

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНИЙ¹⁾.

II. Чудь, лягва, паны.

Кромѣ приведенныхъ мною преданій о чуди преимущественно Верховскаго, Озерецкаго и Сиасскаго приходовъ, я старался уловить все, что говорилось о ней и въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Болѣе или менѣе цѣльныхъ и сказныхъ разсказовъ записать не удалось, такъ какъ ихъ уже въ настоящее время, быть можетъ, и нѣтъ, можетъ также быть, что просто не пришлося натолкнуться на хорошаго разсказчика, а тѣ, иногда весьма почтенные и умные старцы, съ которыми удавалось побесѣдовать объ этомъ, старались передавать слышанное ими чаще толкъ въ общихъ фразахъ.

Приходилось пытаться на рѣшительныя опроверженія одними того, что разсказывалось въ данной мѣстности другими.

Такъ, напримѣръ, по совету нѣкоторыхъ изъ крестьянъ изъ Озерецкаго прихода я обратился къ 74-лѣтнему старику изъ деревни Часовенской Семену Одинцову, какъ несомнѣнно знающему старину, и онъ говорить, что ничего здѣсь не слышно ни о чуди, ни о лягвѣ, ни о панахъ, а если что и говорить, такъ врутъ все. Онъ отрицаѣтъ чудское происхожденіе ямъ у деревни Рички, объясняющіе простымъ недоразумѣніемъ разсказъ о томъ, что будто бы здѣсь чудь ногибла. „Жиу“, говорить Одинцовъ, „здѣсь па Пустошѣ (назаваѣ деревни), лѣтъ 60 тому паздъ биглецъ, Петрушка-Пантюшка звали, писау книги, сны Богородицы, списки... А бѣжау-то онъ чутъ-ли не изъ воинной службы. Такъ когда стали ловить его, то онъ какъ-то туда, у Рички-то, въ яму и заскочиу; а яма-та была, надо быть, по-гребная... Про это, навѣрно, и врутъ кое-что“.

Междѣ тѣмъ, приведенное раньше преданіе о чуди все-таки держится и разсказывается другими здѣшними старожилами. Слѣдуетъ упомянуть, что С. К. Одинцовъ воспитывался когда-то „мальчикомъ“ въ удѣльной сельско-хозяйственной школѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Шебеньскомъ приходѣ крестьянъ деревни Югры Ив. Ф. Ждановъ, мужикъ довольно развитой и хорошо осведомленный, охотно дѣлился своими свѣдѣніями о старинѣ. Отъ него я узналъ, что здѣсь бывали, будто бы, лягва и паны, но подробныхъ и вѣрныхъ сѣдѣній о нихъ не слыхать. Что касается чуди, то въ той же деревнѣ

¹⁾ См. „Жив. Старина“, 1905 г., вып. I и II.

Югрѣ были указаны ииѣ 6 домовъ, жителей которыхъ „покликаны чуды“. Можно ли думать, что они принадлежать къ потомкамъ чуди, обѣ этомъ, по словамъ Ж—ова, трудно сказать что-нибудь определенное, тѣмъ болѣе, что по видимости они не отличаются отъ остальныхъ жителей Югры. Однако, несомнѣнно, что дома эти, построенные на самой лучшемъ мѣстѣ, у берега рѣчки, являются наиболѣе ранними въ деревни Югры.

Въ Шевденицкомъ приходѣ можно слышать почти такие же рассказы о защите Городка отъ чуди, какие рассказываютъ о защите Никольского городища въ Спасскомъ приходѣ. Однимъ рассказчикамъ известно имя литвы, нариду съ названіемъ чудь; другіе вовсе о литвѣ не слыхали, хотя о чуди рассказываютъ. Въ одномъ изъ рассказовъ о чуди, слышанномъ мною отъ кр. дер. Игумновской, Ф. В. Зыкова, встречается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Когда чудь подъ Тарноской городокъ подходила, такъ копали канавы изъ Тарвоги въ Кокшеньгу и пускали воду: чудь воды боялась“. Вѣроятно это одна изъ попытокъ объяснить—какимъ образомъ такой познательной (особенно, если судить по виду ихъ въ настоящее время, послѣ многолѣтнаго осынанія и заростанія) величины канавы могли служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ защиты отъ нападенія на городокъ.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о панахъ, отвѣчалъ: „Да, прежде издили паны и наказывали народъ. Говорили (тогда): панъ придетъ такъ всѣхъ расклешетъ“. Кто они такие, почему такими правами (или силой) пользовались,—обѣ этомъ ничего определенного добиться было нельзя. „Вотъ про это, что разъѣзжали-то да наказывали—говорится, а про другое-то не слыхать. Можетъ, кто и знаетъ, а намъ неизвѣстно“.

Крестьяне деревни Новгородовской, той же волости, также слыхали о панахъ, но не имѣютъ какихъ-либо ясныхъ и подробныхъ свѣдѣній. О литвѣ не слыхали вовсе. О чуди рассказываютъ, что она погибла въ Синяковскомъ озерѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ; крестьяне деревни Дубровы, Шевденицкой вол., носящихъ фамилии Синявныхъ и Щекинныхъ, считаютъ потомками чуди, уверяя, что они „чудсково роду“. Нѣкоторые слыхали, что въ Ваймежѣ подъ деревней Клиновой у рѣки Уфтуги въ т. наз. Клиноворскомъ озерѣ находить бревна отъ построекъ, что, будто бы, эти бревна остались отъ того времени, когда русские разселялись въ этой мѣстности; они (русские) долго не могли построить себѣ жилищъ: что за день успѣютъ срубить—да построить, то ночью чудь растаскивала и топила въ озерѣ.

Къ тому, что было мною сообщено по этому предмету, въ моей выше указанной замѣткѣ, по рассказамъ крестьянъ Спасской волости,—могу привести вновь записанные данные, полученные здѣсь же отъ новыхъ лицъ. Въ особенности интересны рассказы кр. дер. Констанской, М. Д. Третьякова, который обладаетъ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній изъ области мѣстныхъ преданій и сказаний, сложившихся у него въ особаго рода цѣльное историческое повѣствованіе. Большую часть того, что ему известно, онъ слышалъ отъ старожиловъ Федора Лавровича и Катерины Ивановны, жившей около

Свою попѣсть М. Д. Третьяковъ начинаетъ обыкновенно такъ: „У насъ прежде было все княжество, въ каждой губерніѣ быть (свой) князь, а царя не было. Нашъ князь у Архангельскаго князя выкопалъ глаза. Онъ (т. е. архангельскіе) не стерпѣли и пошли биться къ намъ на Кокшеньгу; онъ много у насъ кое-какихъ мѣстъ и городишковъ разорили. Этта (здѣсь) у Николы (Никольскій погостъ, городище) былъ у насъ Николаевской гороль, а пригородокъ — у Богородской церкви, гдѣ пынь Городище¹) Мѣста эти они все проморили. У насъ съѣзжались сюда купцы отъ Архандрѣскаго (т. е. гор. Архангельска), изъ Устюга и изъ Вологды... А теперь было все пусто (т. е. со времени разоренія). Онъ (архангельскіе) стояли здѣсь три года...“ Очевидно, это одинъ изъ отголосковъ преданія о разореніи Кокшеньги во времена усобицы московскихъ и галицкихъ князей, съ эпизодомъ осѣщенія Василия II-го²).

Но къ этому же преданію въ разсказѣ М. Д. Тѣсно примыкаетъ и переплетается съ нимъ предавіе о літвѣ и чуди (что, по словамъ его, одно и то же), а также — о папахѣ. Разсказывая о нашествіи „архандрѣскаго князя“ и о разореніи, имъ производимомъ, М. Д. Т. послѣ словъ „онъ не стерпѣли и пошли биться“ добавляетъ: „съ ту сторону и пошли эта літва-та и стали драться“. Выходитъ, что літва какъ будто бы приходила съ архангельскимъ княземъ. Однако, въ другой записи со словъ того же рассказчика (имѣется три записи его разсказа сдѣланыя въ разное время). О літвѣ (или „чуди“) въ этомъ извѣстѣ вовсе не упоминается. Можно думать, что и разореніе во времена книжескихъ усобицъ и разореніе нашествіемъ літовскихъ шаекъ смутнаго времени³) оставили одинаково печальный и сильный следъ въ Кокшеньгѣ и подчасъ невольно отождествляются разсказчикомъ. Что же касается возможности появленія літвы съ низу, отъ Архангельска, то вѣроятность этого можетъ быть подтверждена указами Двинской лѣтописи, въ которой упоминается о появленіи па Двинѣ до 2.000 человѣкъ поляковъ літовцевъ, которые поднимались и па Вагу, притокомъ которой (черезъ р. Устью) является Кокшеньга.

Затронувъ преданіе о літвѣ (или чуди, что, по его мнѣнію, одно и то же), онъ передаетъ въ общихъ чертахъ тѣ же свѣдѣнія объ осадѣ Никольскаго городища, о какихъ именемъ сообщалось изъ дрѣгихъ преданій, но и съ значительными и своеобразными особенностями и нѣкоторыми интересными подробностями. Онъ говоритъ, что „літва стрияла изъ зыкоѣскаго поля къ Николѣ, а потомъ я туда подходѧлъ“, что „тамъ защищались изъ-за деревянной стѣны, которую тогда же и сожгли, и церковь Оенонасьевская (во имя св. Аѳанасія), которая стояла, гдѣ топерь ц. Николы, тоже была сожжена; вотъ тогда-то и вознесли эту батарею изъ земли⁴); спачала

¹) См. упоминаніе объ этомъ въ моей ст. „Кокшеньгскаго старина“ въ „Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ.“ за 1906 г.

²) О походѣ В. Кн. на Кокшеньгу во время этой усобицы имѣются указанія въ истории Карамзина, но съвернѣе лѣтописцамъ.

³) См. упоминаніе объ этомъ въ „Описании Кокшеньги“ В. Т. Попова, Вологда, 1857 г.

⁴) См. ст. „Кокшеньгскаго Старина“.

то она была сажеъ пятнадцать вышиною. Тутъ были камни и кирпичи, которыми и воевались; были тутъ и бревна подвѣшены на ногиляхъ; эти бревна опускали, когда воевались; а бревна были материаъ и заминало человѣкъ по пятнадцати и по двадцати".

Конецъ разсказа М. Д. Т. совершенно особенный:

„Лѣтва имѣла пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти противъ Спасскаго погоста) и онъ ходилъ къ ночамъ (во время осады Никольскаго городища?) все туда. Надъ рѣчкой надъ Кокряковымъ былъ на угорѣ гладкой камень; на сѣмъ онъ хлѣбовали и въ карты играли. Этотъ камень нынѣ не давно мужикъ подкопалъ и свалилъ: думалъ—кладъ есть. На камнѣ три зарубы; одна на Преображеніе (т. е. въ направлѣніи Спасо-Преображенской церкви).

Сколько тамъ ихъ было—не извѣстно.

Главныхъ ихъ начальниковъ убили. Наши мужики собрались съ шести волостей и пришли къ Кокрякову. Напередъ у нашихъ-то шли большознающіе (т. е. вѣщуны, знахари, колдуны); это были паны, онъ вѣдь наши и дравили нашими; ихъ звали Яганъ, Пеганъ, Поленица и Хайдукъ. Лѣтва-та въ это время отыхала; вотъ она варить кашу, обѣдать хотѣть. Ихней атаманъ и говорить: „ну, робята, севодни на кашѣ кровь кишитъ,—не ладно будетъ, не къ добру это". Всѣ изумились, не знаютъ, что дѣлать. Вотъ когда тутъ пришли наши-те со своими атаманами, и стали дратысъ. „Первое дѣло, ихъ атаманъ разстегиваетъ грудь и говоритъ: „стрилейте!" Нашъ стрилилъ и тутъ его и застрилилъ. Была заряжена-то пуговица серебряная (противъ серебра-то не заговоришишь¹⁾); пуговица скрьзъ его пролитъа. Онъ упалъ. Другого поймали, стали рубить топоромъ. Топоръ не береть: онъ заговорился. Напи и говорятъ: „Не ладно рубите! Возьмите трою въ землю топоромъ ударьте настмашь, а потомъ и по шеѣ, тоже настмашь". Тому голову отрубили. Третій побѣжалъ на убѣгъ. Онъ бѣжалъ, не много не мало, три версты. И бидаль серебро горстями, чтобы народъ остановился. Достигли (т. е. догнали) его противъ (подъ) деревни Костенской. Тутъ и поймали и голову отскѣли. На томъ мистѣ была каменъца (груда камней) и до нынѣ.

Остальныне приметались въ озеро Кокряково. И ишь кровяные косы ходить по озеру въ непогоду.

Дѣяконъ Боскаревъ видѣлъ кость на берегу озера: приподымитсѧ да и сосвищеть—значить, хочетъ похорониться. Я видѣлъ тоже такую кость".

Всякій разъ, когда переспрашивали М. Д. Т.—она о панахъ, действительно ли это наши,—онъ съ увѣренностью повторялъ: „Цѣны это наши, а лѣтва, чудь-та, поднялась отъ Архангельсково". Однако, не смотря на увѣренность старика, въ его разсказѣ о нашествіи „архангельсково" князя и лѣтвы заключается насленіе не одного преданія, а нѣсколькихъ о разновременныхъ событияхъ. Общее убѣждѣніе относительно пановъ, которое пришлось много разъ слышать иѣ отъ другихъ крестьянъ, что они приходили въ

¹⁾ Принимается за несомнѣнное, что атаманъ лѣтвы былъ заговорщикъ; за серебро заговоры не дѣствуютъ.

Кокшеньгу откуда-то и наводили страхъ на жителей своими грабежами и насилиемъ, стоять въ согласіи преданіемъ, приводи-мъ якою раныше, съ чѣмъ, какъ нельзя лучше, согласовались бы и тѣ имена, которыми, по словамъ М. Д. Т., назывались ихъ «большознающіе», атаманы: Яганъ, Поленица (Палиныци?). Хайдукъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, вспоминая о старинѣ и рассказывая между прочимъ, о маленькихъ «волоковыхъ» окопечкахъ въ домахъ, объясняютъ необходимость устройства такихъ оконъ тѣмъ, что «тогда боялись пановъ и отъ нихъ укрывались»¹⁾.

Одинъ изъ любителей преданій о старинѣ, крестьянинъ Вл. М. Поповъ, человѣкъ развитой и много читавшій, пановъ называетъ, прямо поляками, приводя косвенное тому доказательство, основанное на звучаніи очень распространенныхъ въ Кокшеньгѣ словъ: пановать, панъ, распановаться. Эти слова употребляются тогда, когда хотятъ обозначить какое-нибудь безчинство, самоуправство, выходку, соединенныя съ задоромъ, чванствомъ, напускной важностью и дешевымъ удальствомъ, что отвѣчало бы характеру поляковъ больше, чѣмъ кого-либо другого. Миѣ думается, что этотъ оригиналный доводъ имѣетъ за собой реальное значеніе.

Тому же Вл. М. П.—у удалось слышать такой вариантъ преданія о панахъ: «Когда они стояли подъ Никодой (т. е. осаждали Никольское городище), то (дѣлая набѣги на окружающія деревни) дошли разъ до деревни Мадовицы; а въ Мадовицахъ по угородамъ павѣшины были на колыяхъ—тюпы конопля. Имъ показалось, что это выступило многое вароду противъ нихъ и повернули назадъ ошить подъ Девятую [т. е. подъ Николу: церковь (и городище) но-ситъ двойное название по имени двухъ святыхъ, въ честь которыхъ она освѣщена: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой)]. Въ другой разъ оттуда уже не подходили къ Мадовицамъ, да скоро онѣ послѣ этого и погибли. Ихъ атаманъ будто бы сошелъ съ ума и сталъ кричать: «смотрите-ко, робята, съдатой-отъ старинѣ»²⁾ кругъ шатра (шейка купола) у церкви издѣлъ на лошадѣ и мнѣ грозить... Не застрашаетъ меня!» Послѣ того забѣгали этотъ атаманъ съ мечемъ да въ озерѣ и утопуль... А паны-тѣ варили кашу да вмѣсто пѣны-то кровь косами заходила: онѣ и узнали, что гибель скоро приходитъ. Тутъ, сколько денегъ, богатства ихъ было,—все въ котель склали и утопили въ Городищенскомъ озерѣ: а надъ котломъ поставили плотъ изъ слегъ (длинныхъ бревенъ), на плотѣ наносили земли да и плотъ на котель утопили. А потому и сами въ этомъ же озерѣ уходили».

Миѣ самому не разъ приходилось слышать о богатствахъ, за-тощенныхъ въ этомъ озерѣ. А однажды во время охоты на утокъ сопровождавшій меня крестьянинъ одной изъ близъ лежащихъ де-

¹⁾ Впрочемъ, въ ст. К. Попова «Колонизация Заволочья и обрушение заволоцкой чуди», помѣщ. въ №№ 2 и 3 «Бесѣды» за 1872 г., упоминается также, что название «паны» въ Вельскомъ уѣздѣ употребляется для обозначения особой категории «мѣстныхъ крестьянъ, а не въ обычномъ смыслѣ—наз. остатковъ польско-литовскихъ шаекъ смутной эпохи».

²⁾ Разумѣется Св. Николай Чудотворецъ, хотя и странно, что онъ на конѣ.

ревель забрелъ съ одного берега въ озеро съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подойдя къ предполагаемому мѣсту затопленія 'плота, тыкалъ шестомъ въ дно, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ былъ слышенъ глухой стукъ ударовъ, какъ будто о деревянный помостъ; между тѣмъ зарастающее торфяное озеро-старица имѣло въ другихъ мѣстахъ только илистое вязкое дно. Мѣсто предполагаемаго плота находится противъ наиболѣе отлогаго спуска съ городища, и весьма возможно, что черезъ старое русло рѣки, отъ которой осталась теперь эти озера-старицы, былъ дѣйствительно когда-то перекинутъ бревенчатый пловучій мостъ: или стояла плотъ, на которомъ перевозили, а потомъ отъ набуханія на водѣ погрузился на дно. Однако, противъ подобнаго рода догадки всегда пайдется, что разобрать, и настаивать на такомъ объясненіи не приходится.

Любопытно, что подробность вышеприведенного преданія о сѣдатомъ старикѣ встречается и въ преданіяхъ о защитѣ Тарногскаго городка отъ чуди.

Исчерпавъ болѣе или менѣе то, чѣд удались уловить мнѣ изъ широкаго, но зыбкаго источника народной памяти, въ области интересующаго меня въ данную минуту вопроса, я долженъ прийти къ одному скромному выводу, что всего приведеннаго еще не достаточно для какихъ-либо вполнѣ опредѣленныхъ заключеній; но тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую противорѣчивость отдѣльныхъ мѣстъ преданій, въ нихъ заключаются указанія, вполнѣ гармонирующія съ лѣтописными сказаніями о Кокшеньгу и до нѣкоторой степени рисующія картину историческихъ условій быта и развитія мѣстнаго населения. Въ послѣдніи отношеніи чрезвычайно важное значение имѣть еще и то обстоятельство, что въ Кокшеньгу съ разныхъ сторонъ притекали бѣглецы, укрывавшіеся отъ разныхъ преслѣдованій, не рѣдко составлявшіе значительныя шайки, занимавшіеся разбоемъ и грабежомъ и не скоро переходившіе къ мирному образу жизни. О разбойничихъ шайкахъ, ихъ атаманахъ и походженіяхъ ихъ тоже не мало сохранилось разсказовъ въ народѣ. Часть этихъ преданій я и привожу въ слѣдующей главѣ.

III. Розбай (разбойники).

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ между прочимъ о томъ, что преданія кр. М. Д. Третьякова сложились въ установившійся опредѣленный циклъ. Послѣ разсказа о пашествіи "архангельского" князя и литвы, онъ продолжаетъ:

Послѣ этой поры жили много времени и наступилъ розбай. Ходилъ онъ шайками, по 40 человѣкъ. Розбай богатыхъ мужиковъ грабилъ и рѣзаль. У насъ былъ въ Мадовицахъ богатой мужикъ, Барюкъ звали. Его захватили въ Преображенской церкви. Изъ церкви утащили на рѣку и замучили. У нихъ фатера (квартира, мѣсто стоянки) была на Коленъгѣ по ричкѣ Пестову (притокѣ Ко-

лениги); тутъ была земляная изба. Онъ много кое-чего нагрудили около той избушки. У этой мѣстности ничего теперь наверху нѣть. Только одинъ мужикъ, Устинъ¹⁾ съ Ростова изъ деревни Шочинка, нашелъ 1½ пуда свинцу, а больше ничего не могли добраться, а добирались все сабли Александра Невскаго. Она есть тутъ на са-момъ дѣлѣ, да не многие знаютъ про это,—кто слыхалъ отъ преж-нихъ людей.

Розбой сталъ много проказу дѣлать (проказничать). Онъ гро-зится на Гусиху (одна изъ самыхъ большихъ деревень въ Кок-шельгѣ): надо, говорить, ограбить. Гусищана узнали объ этомъ и собрали народъ съ шести волостей. Народъ былъ въ гумнахъ и домахъ спрятанъ. Розбой пришелъ. Была Ироня на Гусихѣ, кото-рый зналъ заговоръ, и заговорился, что его не брали пуля. У раз-бойниковъ былъ тоже заговорщикъ. Онъ заговорился, и его тоже не брали пуля. У Прокопья (Ироня) была „середка“ (средняя часть дома) разломана до перевода (балки подъ крышей). Былъ еще дымникъ (деревянный, об. довольно широкій, дымоходъ). Ироня уѣхѣлъ въ этотъ дымникъ. У ихъ былъ уговоръ: пока Ироня не стукнетъ изъ оружья—народу не выкрываТЬСЯ; а какъ учуять стукъ, даютъ народу вдругъ хлынуть на разбойниковъ. Какъ приходитъ этотъ розбой, до Гусихи атаманъ и говоритъ: „теперь Гусиха сго-готала (т.-е. пропала) и Ироня попалъ“¹⁾ Идетъ этотъ атаманъ по переводамъ у (дома) Ироня. Ироня—ничего другово—изъ дымника выстрѣлилъ изъ оружья серебряной пуговицей; атаманъ съ перево-довъ упалъ, а народъ услыхалъ этотъ стукъ и со всѣхъ сторонъ содвинулись. Розбой испугался и сейчасъ къ озеру, и приметались въ озеро; тамъ и рѣшился (погибъ), всего 40 человѣкъ²⁾.

Въ этомъ разсказѣ перемѣшаны, видимо, два преданія: то, что связано съ кладами и становищемъ на Коленъгѣ (городище при ручьѣ Городихѣ и почти противъ впаденія р. Честовка въ Коленъгѣ), судя по рассказамъ многихъ другихъ крестьянъ, относится къ болѣе отдаленному времени и обыкновенно въ качествѣ дѣйствующихъ лигъ называется пановъ или литву; второе, гдѣ говорится о Би-рюкѣ, судя по распространенности и общеизвѣстности, а также по упоминанію о Преображенской (деревянной, существующей и въ настоащее время) церкви, является болѣе позднимъ.

Самъ Третыковъ дальше говорить, что „розбой былъ не осо-бенно давно: еще тетка Катерина помнить то время, а она умерла годовъ 50 тому назадъ (жила около 110 лѣтъ)“. Разумѣется, вполнѣ возможно, что на Коленъгѣ у Городихи могли имѣть становище цѣлый рядъ шаекъ, смѣнявшихъ другъ друга разновременно.

Подъ деревней Гусихой находится довольно глубокое озеро, проѣзжая мимо которого много разъ, я очень часто слышалъ отъ ямщииковъ о гибели въ немъ разбоя и чуть ли даже не пановъ.

Въ деревнѣ Мадовицахъ живутъ и въ настоащее время прямые потомки Бирюка; одинъ изъ нихъ, весьма пожилой крестьянинъ, рассказывая эту исторію примѣрно въ томъ же родѣ, съ нѣкото-рыми подробностями:

¹⁾ У котораго хранились записи на клады по р. Коленъгѣ; копію одної изъ нихъ, датированную 1639 г. я видѣлъ въ отнѣго кр. Спасской волости.

Бирюкъ былъ матерью человѣкъ, страсть! и очень богатой... Будто бы разъ ударилъ онъ калака (т.е. работника), а тотъ въ разбоя ходилъ и сказалъ: „помни,—каковъ нибудь да я буду!” Потомъ убѣжалъ, созвалъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ: вывели Бирюка изъ Преображенской деревни съ криласа и привели домой; требовали денегъ. А денегъ то у него будто были клады. Бирюка сожгли живого, подъ горой у реки, а о деньгахъ таекъ ничего и не узнали. Кладъ-отъ въ нашеи домъ будто есть отъ него, да какъ его достанешь:“

Разбойники обыкновенно имѣли пристанища среди лѣсовъ и болотъ, въ мѣстахъ мало доступныхъ, и оттуда дѣлали набѣги и грабежи. Указывается цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ были ихъ становища или оставлены клады; существуютъ уроцища, какъ, напр. по р. Западной Подѣ съ названиями „Разбойное”: сохранились имена иѣкоторыхъ ихъ атамановъ. Ихъ клады, заключающіе, какъ то сказывалось въ иѣкоторыхъ записяхъ, несмѣтныя богатства, привлекали многихъ искателей счастья даже на отдаленные, трудно доступные болотные рѣлки (островки), служившія когда-то надежнымъ убѣжищемъ разбойниковъ. Въ Шевденицахъ болѣе всего извѣстна въ этомъ отношеніи „Кладовая” рѣлка (о которой я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ), въ болотахъ по рч. Лайбую, связанныя съ именемъ разбойничьяго атамана Росадки, будто-бы по имени котораго называется одна изъ деревень: Росадина.

Бывавшіе на этой рѣлкѣ раньше, рассказывали, между прочимъ, о какихъ-то бревнахъ, служившихъ, по предположенію, для переходовъ разбойникамъ на рѣлку, и обитыхъ мѣстами мѣдью. Теперь таковыхъ, говорить, не видно.

Подобная рѣлка существуетъ на Болванскомъ болотѣ, въ 20 verstахъ отъ Спасской церкви, внизъ по правому берегу р. Кокшеньги. Мнѣ приходилось говорить съ иѣкоторыми изъ побывавшихъ здѣсь крестьянами. Они разсказываютъ, о точныхъ примѣтахъ, перечисленныхъ въ записи объ этомъ кладѣ, и вполнѣ отвѣчающихъ имъ въ дѣйствительности, разсказываютъ о камнѣ, покрытомъ, какъ будто бы надписью: о ямѣ, въ которой долженъ лежать кладъ, прикрытый съ верху толстыми слоями угля, камней и золы. Угли и камней выгребали они большое количество, но до клада не добрались.

Повсюду рассказывается о шайкахъ разбойниковъ въ сорокъ человѣкъ и о почти внезапной ихъ гибели. Между тѣмъ въ иѣкоторыхъ мѣстахъ какъ на убѣжище ихъ указывается на очень маленькая одиночная земляная избушка, а съ другой стороны, изъ преданій о Бирюкѣ, Росадкѣ и под. выходитъ, что какъ будто бы этотъ разбой имѣлъ своихъ представителей и по деревнямъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе-то дома или жители чуть не цѣлой деревни „разбойничьяго рода”. А лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ разбой происходили частенько на всѣхъ сколько-нибудь длинныхъ лѣсныхъ волокахъ, по дорогамъ; и тутъ ужъ приходилось слышать прямые подозрѣнія, что это не дальние разбойники, а свои же иѣстинные, причемъ иногда указывалось и на темное происхожденіе подозрѣваемыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что если „разбой” и былъ первоначально пришлымъ элементомъ, то потомъ, мало-по-малу

обращаясь въ мѣстный, переходилъ, подъ конецъ, въ мирныхъ обычавателей, пристроившись или среди жителей другихъ деревень или основывая особые починки.

Съ другой стороны разбои, принимая форму грабежей на лѣсныхъ волокахъ и доходя до простыхъ кражъ по деревнямъ, становились все болѣе одиночными и превращались въ воровство отдельныхъ недобрыхъ людей, старавшемъ самого населенія выведенное за послѣдніе годы почти окончательно. Иногда такого рода одиночные грабежи и смѣлые кражи приписывались тоже бѣглецамъ, не переводившимся въ Кокшеньгѣ до самого послѣдняго времени и жившими часто одиночно въ лѣсныхъ избушкахъ и землянкахъ по всѣмъ почти волостямъ. Однако, вѣроятнѣе всего, что бѣглецы эти часто служили только козлами отшущенія для другихъ, ибо, имѣя серьезныя причины укрываться, эти люди бывали, обыкновенно, самыми мирными и, можетъ быть, честѣйшими людьми.

Среди такого sorta бѣглецовъ бывали и не вынесшіе тягости военной службы или помѣщичьяго ирма, и прослѣдѣвши сектанты, и, быть можетъ, пострадавшіе „за политическій убѣжденій“. Такъ жившій въ Озеркахъ бѣглецъ изъ военной службы „Петрушка-Пантюшка“ писалъ списки, книги, сны Богородицы и, продавая, выручалъ себѣ на хлѣбъ или прямо мѣнялъ ихъ на пищевые продукты.

Тамъ же, въ лѣсу, по направлению къ Новоселамъ, жили старовѣры и питались приношеніями изъ деревень, дѣлали туйски и еще кое-какія вещи, и такимъ образомъ не много зарабатывали на покупку самого необходимаго. Послѣ нихъ остались слѣды огорода съ 9-ю грядами.

Нѣкоторымъ изъ такихъ, уже пожившихъ поридочно долго, бѣглецовъ населеніе, слѣдовательно, само дѣлало добровольныя приношенія. Изъ бѣглыхъ сектантовъ-старовѣровъ многіе устраивались, между прочимъ, на окраинѣ Спасекаго прихода, около такъ называемой Тюребери (нѣсколько деревень), гдѣ и по сіе времена среди населенія прочно держится старовѣрчество.

Преданія о „разбѣѣ“ и бѣглецахъ, изложенные въ нѣкоторой полнотѣ, приведя въ кругъ современной Кокшеньгской дѣйствительности, даютъ поводъ рассказчику на нихъ и закончить циклъ Кокшеньгскихъ преданій; но очень часто, обыкновенно послѣ перерыва какъ бы означающаго, что дальнѣйшее не стойтъ въ непосредственной связи съ разсказаннымъ, или послѣ вашей просьбы разсказать что-нибудь изъ преданій еще,—онъ дополняетъ свое повѣстование „былью обѣ еретикахъ“, а иногда хасается и общеисторическихъ лицъ, преимущественно нѣкоторыхъ русскихъ государей, „Френцюза“¹) и пр.

M. Елческій.

(Окончаніе с. изѣдства)

¹) Наполеона I.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОКНЕНЬСКИХЪ ПРЕДАНИЙ.

(*Укончаніе*).

IV. Еретики.

Не смотря на то, что обѣ еретикахъ разсказывается, какъ о ста-ринѣ, обыкновенно па ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ разсказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ на-родныхъ сувѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ разсказовъ, такъ велика увѣренность мѣстного населения въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это суще-ствование сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполнѣ новитшымъ, почему „еретики“ разсказываются на ряду съ преда-ніями о чуди, панахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое название „еретикъ“, заимствованное изъ исторіи церковныхъ учёній, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоя-щее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и полу-чило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подыѣтить иѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ пред-ставлениі мѣстного населения связываются и понятіе о безбожниѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которымъ и донынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто еще неизбѣж-ными реальными фактами, то разсказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщины, былей. Са-мое слово еретикъ—въ постоянномъ употреблении у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣть значеніе ругательства для характеристики человѣка злого, тяжелаго, мрачнаго и скрытнаго, съ недобрѣмыми глазами. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „еретикъ—золѣзны зубы“, или: „еретикъ—татаринъ“.

Отъ М. Д. Третьякова я услышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаний, сказанныхъ немногого вскользь, какъ бы въ завершеніе всего цикла его предаваній:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь сонцѣ за лѣсь сѣдѣть,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онъ и пропали. Вотъ и окна прѣкъ въ избахъ были маленькия съ задвижками: боились еретиковъ-то (тоже, что говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чури, лежали.

Тетка Екатерина рассказывала, что при вѣй еще изредка дѣвки на трапезѣ у церкви, а покойники заставили разъ святить огни; покойники-то оттаяли и упали—всѣ и побѣжали изъ церкви-то... Еще на моей памѣтъ обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церкви со всей водости.

„Вотъ, когда у церкви-то играли, да какъ еретиковъ-то было приступно...

Еретиковъ не привели жать сире земли: народъ знатѣй (т. е. вѣщій, колдуны). Подъ старой колоколиной не давно пайдень былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣть, а онъ нетѣнѣнъ.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклѣу (заклялъ)“.

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитонихи, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятливой старушки, здравствующей еще и понынѣ,—сѣдѣющіе разсказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть“ на паперть. Новь (нынѣ) и паперти-то, правда-що, вы не знаите: у старой Офонасьевской церкви была эдакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходной столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойники къ ночамъ заносились.

Давно будто было, что на трапезы сѣѣжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы)¹)—иу знамо дѣло.—о салтикахъ.

Сошлись, говорить, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойника начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы личину съ огнемъ воткнули—„святіе“, говорить: „чѣмъ безъ дѣла лежать“. Говорить, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и святить.

Вотъ это окѣ играть... А, извѣстное дѣло, нечестивой свѣтѣ приступно, какъ мало-мальски подшутить... Никто ничего въ городкѣ не зналь; все, думаю, задно: ходить да городки здуваютъ. А! одной дивицы привезена была съ собой племянница, годовъ пети-ли четыреста-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была въ

¹⁾ См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни“. „Жив. Стар.“ 1906 г. вып. III и IV.

печь. Съ печи и видить она, что въ городкѣ не порядки: дивыѣ играютъ, думаютъ,—съ молодцами, а дѣвки съ печи открыто, Богомъ ужъ стало-быть, что ходить въ городкахъ много съ золѣзными зубами да и въ ротахъ-то какъ огонь бы пыщетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата¹), пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!“ Ну, и заревѣла.. А нечисты-та сила не знаетъ ли, что у человѣка на умѣ? Дѣвницѣ-невѣстѣ²) дѣлать было нечего—дѣвка ревѣть, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ закутала она шалью хрестину да и понесла домой, а еретикъ-то іе за сарафанъ и забрали. Она зревитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косыкъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозь землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А на столбикѣ-то, виши, варежки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варежками.

2.

Тогда многое нечисти (нечистой силы) велось, страсть и подуть; было многое волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не знать, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ вдакъ будто бы умираеть одинъ мужъ да женѣ и наказывается: „смотри ты, жена, только я умру,—того же часу подрѣжь ми подколѣнныя жилы!“ Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзать подколѣнныя жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые“ положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—маль-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долгя, тоскливо будетъ: давай баба печь топить; топить печь и клюку калить, а самой и мужа жаль и покойника боится. Топить печь да клюку калить...

— „Мама, тата-та пошевелился!“

— Молчи, говорить, тибѣ такъ показалось.

А сама сидѣть у печи да клюку калить.

— „Мама! Тата-та садится!“

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упала на подушку...

— Молчи, говорить мать, это такъ показалось!

— „Мама! Тата-та (в)сталъ!..

Соскочила баба, схватила робать, пихнула черезъ чилисникъ³) на печь, выхватила изъ печи каленую клюку и сама къ робятамъ загѣзла.

„Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жена. Вотъ раз-смотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонъко къ печѣ, а подъ миъ половицы (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь выѣсти надо: зубами золѣзными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливается... Баба съ печи каленой клюкой kleсъ

¹) Крестная мать.

²) Такъ называются всякую взрослу дѣвницу.

³) Лицевая сторона печки наль устьемъ (топкой), покрытая полосой сажи отъ выходящаго черезъ то же устье (безъ трубы) дыма.

но зубами—только зубы сбрыкали. Онъ отступилъ и опять напираетъ: съѣсть, вишь, надо; а выпѣсть не можетъ, потому руки крестомъ на грудь сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Она подойдеть,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо лѣто, Богу молилась. Запѣла пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое място; но ужъ легъ на чью (ничкомъ). Такъ лѣчъ и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этакъ волшебниковъ (такъ!) все на чью хоронить: куда лицомъ склонишь, туда подъ землей и пойдешь: къ верху лицомъ—на верхъ выйдеть, а на чью—дакъ въ преисподнюю прямо уходить.

3.

Досель, говорять, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христосъ по землѣ прошелъ, ~~еретиковъ~~ ~~хочъ~~ ~~тѣмъ~~ вси нечисть разбѣжалась; а то было время: только сонце за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: бѣдъ.. да и въ избу ползутъ. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ сонце за лѣсъ—и оконце закрываются. Волоковыя окна еще и мы у старыхъ избъ помнимъ: таія маленькия были,—человѣку пролѣсти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не поспѣлъ днемъ домой попастъ. Идеть по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ—отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе па сосну да къ самой вершинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзть, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкаютъ, только щеки летятъ... Сидить мужичекъ на соснѣ, па самой вершинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ слятыхъ перебираетъ: а еретикъ грызетъ сосну—только щепы литья. Долго мужикъ сидѣлъ па соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ: все сосну подгрызаль. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть грызти оставалось... Запѣла пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, па скрость землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ былъ!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ.. А старуха была денежная. Ну, семейство; сынъ бытъ женатой. Знаѣть скрипку: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у неѣ; большой кошелъ къ наимышкѣ¹⁾ привязанъ—серебро да золото. Видѣть старуха, що скоро умретъ надо, и говорить сыну-ту своему: „сынъ, подыши-ко мене, да подведи еши (разъ) изъ печѣ; вижу, скоро смерть приходитъ... долго у печи и страшна: посмотрю хоть еще!“ Захватитель сына старуху подъ мышки притягнулъ изъ печѣ.—Подерги эдакъ мене!“ Сынъ держитъ. Отвязала она кошелъ отъ наимышки, высыпала деньги на шестоку²⁾ и дѣлай зарывать въ пепель въ печурку. Чими ручки загребаютъ, тѣ

¹⁾ Лапка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте", — здакъ и приговариваеть. Ну такъ и загребла всѣ деньги. — Ну, уведи меня тонерь изъ кровати! Легла старуха и умерла. Ну тогда сынь къ печи: надо деньги валить. Рылся, рылся — одинъ пещель, а денегъ пѣть... "Що не за оказія!" А парень-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печи да ей то руками и перерываетъ золу. "Чьи ручки зегребали, говорить, — тѣ и выгребаютъ". Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ-отъ да и уми... Ишу она обѣ ємъ тосковать, ну тосковать; ночи сидѣть подъ окномъ да на улицу смотрѣть. Долго ли мало ли вдакъ по-сокрушилась... — Сидѣть это подъ окномъ да на улицу смотрѣть, а глядь — онъ и ёдетъ на лошадѣ да и па креслахъ,¹⁾ а ее къ себѣ рукой на улицу манить. А было почю; всѣ спали. Она обрадовалась, вѣбжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: "Вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушишься, а думаешь — я тебя и забылъ? а я тебя не забылъ, а по тебе прїѣхалъ; поїдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока тонерь никто не увидаетъ, соберемъ все твоё именье да и поїдемъ: у меня и кресла заготовлены". Обрадовалась девица и давай выносить имѣніе: портнѣ, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спить и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онѣ и поїхали по дорогѣ. Ёдуть онѣ это полемъ и молчать. А мѣсяцъ свѣтить; а мертвѣцъ ёдетъ...

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣть, не боюсь!

Вотъ доїхали онѣ, — пошелъ лѣсъ. А мисецъ свѣтить, а мертвѣцъ ёдетъ...

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣть, не боюсь!

Опять ёдуть. Прошелъ лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и по-востъ... Мѣсяцъ свѣтить, а мертвѣцъ ёдетъ.

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣть, не боюсь!

Ёдуть онѣ и заїхали на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы сиѣга. Лошадь остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу, "подавай", говоритъ: "имѣніе-то!". Она испугалась, схватила корону съ рубашками да и подаетъ. А онъ только слоготилъ прямо въ ротъ! Она посмотрѣть — а у ёво вубы стальные и глаза какъ каленые угли... "Мечи", говоритъ: "кручае!" Стала она это метать коробушка по коробушкѣ... а онъ глотаетъ да ее горопитъ. Догадалась она, — начала читать молитвы; а имѣнія мало остается, скоро и самую ее слоготить... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобъ времени больше про-длилось. А онъ глотаетъ, а онъ глотаетъ да ее горопитъ.

Услышала Господь ее молитву: запѣла пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоять она одна за буевѣ ночью; а вѣтеръ сиѣга переметаетъ.

¹⁾ Розвальни, низкія и широкія сани для возовъ.

Такого рода преданий-балладъ, не лишенныхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всейѣроятности, чрезвычайно далекое происхождѣніе, во и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣйствительностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отѣчественныхъ всецѣло міровозрѣнію старшихъ слоевъ современного населения Кокшеньги,—могно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замѣрзаніемъ сердца выслушивали имъ съ дѣствѣй такіе разсказы! Рѣдкая женщина не умѣла разсказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь разсказа о претикахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводить насъ въ область народныхъ сувѣрій, которыхъ вообще довольно богата фантазія мѣстного обывателя. При случай я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ материаломъ, какой найдется въ моемъ распоряженіи и изъ этой области.

Что же касается преданий объ общепрѣсторическихъ лицахъ и событияхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода материала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложитъ и то не-многое, чѣмъ я могу располагать, дабы придать вѣсколько больше полноты и заключенности въ освѣщенному наимѣненному вопросу.

V. Общепрѣсторическая лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданий обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кокшеньгскими преданіями, часть которыхъ, напр., хотя бы о Литвѣ, казалось бы, тоже вполнѣ могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это—какъ бы дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ, имѣющія второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ разсказовъ или указаний, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, по-истинѣ, не прходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ званій и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Наприимѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александру Македонскому и родомъ—о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Смысла о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константии.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Упоминается о татарщинахъ, о нашествіи французы.

Изъ русскихъ государей изъѣстимъ имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большими уваженіемъ; съ этимъ именемъ сопряжено какъ будто бы почитіе о справедливости и безпредвѣтствіи. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго не хвалить не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнныи фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньгѣ“ В. Т. Чопова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорить и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляютъ: „А какъ вотъ не хитръ былъ, а лапти-то все таки не могъ сплести: заплести-то залезъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И теперь еще лапоть-отъ этой гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ или въ музѣѣ виситъ“. Въ деревни Харитонихѣ, Спасской волости, рассказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самого поля этой деревни; что, будто, захочешь онъ въ этотъ лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этотъ носилъ потомъ название Царской рощи. Неизгѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубили ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженнай со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій падѣль. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Залчерьскомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечерицанъ“ въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ локасами. Эта кличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „локазы“ и „локазы“. Мне не удалось уловить достаточно определенного значенія, передаваемаго этими словами.

На Сodenьгѣ (приходѣ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У наследниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлок.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышанного здѣсь мною разсказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, наказалъ ее ударомъ (плети?) и съ тѣхъ поръ остался „рубецъ“ поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одаренъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвалился, что на конѣ своемъ перескочить черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передѣлами ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стѣжѣ“ рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, появлять книжныя свѣдѣнія о Есипкѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятниѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и разсказы очевидцевъ.

1308451

Здесь невольно припоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшеньгѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданию которой подалъ по-водѣ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшеньгы знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ лицомъ въ рукахъ и смотрящимъ какъ бы въ небо: рассказывается въ легендахъ, что Ломоносовъ былъ настолько вѣющій человѣкъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся градовая туча, онъ взялъ вѣлы и этими вѣлами тучу-то и отвѣлъ. Дѣятельные заслуги первого русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендахъ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманѣ Платовѣ пишутся, хотя въ отрывочныхъ, но широко распространенныхъ сѣдѣнія и даже поется пѣсня: „О френцизѣ и Атаманѣ Платовѣ“. Весьма распространены винодоль о томъ, что Френцизъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостяхъ у Наполеона, уходя назвалъ себя и говорить ему: „Охъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!“ И исчезъ.

Изъ рассказовъ о болѣе поздніхъ историческихъ событияхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „аглечинки“, которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда аглечанка стала палить по монастырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосимы-Саватія, поднялись со всѣхъ острововъ чайки (чайки) и начали на нихъ д.... (засыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого аглечинка и покорнула назадъ, домой“.

Въ ряду историческихъ именъ я напрѣпно пропустилъ имена Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ разсказѣ, только, какъ неправедный суды.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду разсказъ въ мѣстной передачѣ имѣеть такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Поповѣ): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) суды: все винти надо: Ну и судились двое. Однѣтъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣденъ. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говорить: „суды, суди, да на меня гляди!“ Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мундика и попросилъ, что въ горстѣ-то (тотъ) зажаль. А тотъ и показалъ камень“...

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшеньгскія предавѣ.

М. Едемскій.